

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Нет ничего труднее для литератора, писателя, чем написать автобиографические заметки. Надо максимально напрячь память, чтобы вспомнить свое детство, отрочество, юность. У Льва Толстого это получилось здорово, и его воспоминания вылились в превосходную повесть «Детство, отрочество, юность». Но то был Л. Толстой, гениальный писатель и романист, большой психолог, мне до него далеко.

Я по призванию поэт и журналист. У нас в народе, русском народе, есть замечательная пословица: «Каждый сверчок должен знать свой шесток». Так вот я тоже знаю свои возможности: самое большее, что я могу написать, это повесть. Кстати сказать, повесть у меня уже написана. Она называется «Филологи» и повествует о моих студенческих годах. Но она, к сожалению, не закончена. Не хватило запала. И будет она закончена или нет - неизвестно.

Каждый писатель должен знать свою меру таланта, т. е. планку, какую он может достигнуть, выражаясь спортивным языком. Мы знаем поэтов Бориса Пастернака и Андрея Белого. У первого стихи замечательные, особенно по форме. У второго и форма и содержание - не очень. Не зря он относил себя к направлению символистов. У одного и другого написаны романы: у Б. Пастернака - «Доктор Живаго», у другого - «Петербург». Вы их читали? Попробуйте прочитать. Самое большое терпение, на сколько у вас хватит прочитать, десять страниц. Если, конечно, вы хоть чуть-чуть понимаете и соображаете в литературе.

Я постоянно удивляюсь, за что «Доктору Живаго» дали Нобелевскую премию. Роман этого не заслужил: он слабый по сути и содержанию, не говоря уже за форму. То же можно сказать и о романе А. Белого «Петербург». Это вообще не литература - это самый настоящий сонный бред.

Из русских писателей дворянского поколения, так называемого XIX «золотого» века, для нас, всех пишущих, критерием являются: Толстой, Достоевский, Чехов. Из поэтов: Пушкин, Лермонтов, Некрасов.

Из советских, русских писателей я бы назвал только двух: М. Горького с его пьесами «На дне», «Васса Железнова», романом «Мать» и «Портретами» и М.А. Шолохова. Второй гениален хотя бы за то, что написал роман «Тихий Дон» и рассказ «Судьба человека».

Из поэтов - В. Маяковского и С. Есенина.

Из современных писателей затрудняюсь назвать имена, так как толстый журнал сейчас выписывать дороговато, а сходить в библиотеку, взять там почитать - не хватает времени.

Но вот недавно мне случайно попала в руки книжка Сергея Серых «Изгой», издана в 2008 году издательством «Крестьянское дело». И что вы думаете? Прочитал всю с большим интересом. Это наш белгородский писатель. Пишет простым литературным языком и, самое главное, прекрасно знает жизнь, о которой повествует.

Я, кажется, сильно увлекся и ушел в сторону. Теперь за дело.

Я, Гринякин Иван Дмитриевич, родился 25 ноября 1936 года в селе Раково Белгородского района бывшей Курской, теперь Белгородской области в семье крестьянина-середняка. Помню ли я своих родителей, дедушек и бабушек? Бабушек не помню ни по линии отца, ни по линии матери. Знаю только, что первая бабушка, мать отца умерла в Гражданскую войну (1918-20 гг.), вторая бабушка или жена деда умерла в голодовку 1933 года. То есть обе бабушки по линии отца умерли до моего рождения.

Про бабушку по линии матери вообще ничего не знаю. Единственный человек, который мог бы про нее рассказать - это тетя Настя, средняя сестра моей матери, которая жила в с. Пушкарное Белгородского района. Но ее тоже уже нет в живых.

Дед мой по линии матери в Пушкарном был старостой. Погиб чисто случайно: лошадь рванулась и понесла его по лесу - ему снесло голову первой попавшейся на пути веткой.

Деда по линии отца в с. Раково звали ратником, т. е. воином. И вполне заслуженно, так как в царской армии он прослужил двадцать пять лет. Моего деда, Андрея Потаповича, отца Дмитрия, его братьев Михаила, Степана, Василия и сестру Настю в 1929 году раскулачили. Правда, никуда в Сибирь никого не сослали, но имевшееся имущество (два дома, клуна, коровник, конюшня, овчарня, кузница), а также скот (до 10 лошадей, около 20 коров, до 30 овец, около 10 свиней) - все это забрали и свели на общий колхозный двор. Сопротивиться не имело смысла, так как шла коллективизация сельского хозяйства и образовывались колхозы. Руководил всем этим обобщением частных подворий комбед - комитет крестьянской бедноты, руководителем и вдохновителем которого сверху был И. В. Сталин.

Может быть, эта политика была и правильной, но сплошная уравниловка всех селян больно ударила по душам трудолюбивых, старательных людей. Они как бы на советскую власть потом обиделись и не проявляли особой прыти в ее защите в годину войн и трудных испытаний.

Но я принадлежу к третьему поколению, поколению внуков, поэтому с советской властью никаких счетов не сводил, в двадцать пять лет стал коммунистом. До того, как стать коммунистом, меня никто никогда не упрекнул, что я сын кулака, поэтому все, что случилось с моими предками, лучше было забыть и никогда не вспоминать, дабы не оказаться в затруднительном положении.

Из довоенного детства помню, как мы с братом встречали колхозных коров, которых пас наш отец. Брат, помнится, был одет в красных трусах. За столом на усадьбе Семочки (Семёна, у которого дед купил домик для отца, когда он женился) всегда главенствовал дед. Он первым начинал кушать, если же кто-то пытался опередить его, получал половником по лбу.

Наша хата располагалась рядом с колхозным двором, вокруг нее росло много вишен и слив. Как только началась война, моей матери с шестью детьми разрешили вселиться в дедов большой дом на Кулиге, раньше до этого в нем размещался клуб. Мать всю жизнь проработала по наряду в полеводстве, иногда - на колхозном току. Деда на войну не призвали, ввиду пожилого возраста. Он часто заходил к нам, постоянно же он проживал или у дочери Насти в Оскочном, или у бабы Акулины в Раково. У него всегда было много денег, так как до раскулачивания он был ростовщиком, давал в заем или напрокат под проценты зерно, продукты, одежду, обувь, деньги.

И вот когда он заходил к нам на хутор Кулигу к матери, то залезал на печь и начинал считать деньги, сколько у него их осталось. А так как он был близоруким, носил круглые очки, то деньги распознавал на ощупь пальцами. Мой старший брат Николай, видя, как он считает, незаметно подкрадывался к нему, залезал на лежанку и потихоньку таскал у него из кучи отдельные купюры. Дед наш был очень жадным и деньгами нас не баловал.

Самый первый этап моей сознательной жизни - это учеба в Раковской начальной школе. Во время Отечественной войны наше село было оккупировано немцами, поэтому занятия в школе начались только после нашей Победы.

В сентябре 1945 года я пошел в 1-й класс. После окончания начальной школы в 1949 году (моей учительницей была Софья Ильинична Аркатова, занимались сдвоенными классами - 1-3, 2-4), я поступил в 5-й класс Хапиловской семилетней школы, которую закончил в 1952 году. В этом же году мы с отцом (он вернулся из Бурят-Монголии, отбывал там семилетний срок за то, что был в плену) переехали в с. Оскочное, пригород Белгорода.

Один год, ввиду неустроенности быта, учебу пришлось пропустить и пойти работать. Работал учетчиком молока на местной ферме Оскоченского отделения Кашарского совхоза. Отец вначале устроился работать плотником, потом стал водовозом.

Однако тяга к знаниям и желание учиться дальше во мне возобладало, и я, несмотря на то, что был старше своих одноклассников на 2-3 года, поступил в 8-й класс средней школы № 10 г. Белгорода и успешно закончил ее в 1956 году.

Эти три года до Оскочного не ходил никакой городской транспорт, поэтому расстояние туда и обратно более десяти километров приходилось преодолевать пешком, «на 11-ой марке», как мы про себя шутили. Не все сверстники выдерживали такое испытание и, не закончив школу, сходили дистанции. Заканчивали среднюю школу только самые стойкие и упорные. У нашего поколения, детей войны, желание учиться было огромным. Наш класс - 10А - подобрался по составу очень сильным, хотя ровным его назвать было нельзя, так как в школу пришли не только из Белгорода, но и с окраин города, выпускники сельских школ. Всего в школе набралось аж шесть восьмых классов: А, Б, В, Г, Д, Е.

Наша десятая школа, которая сейчас уже, к сожалению, расформирована, находилась в юго-западном районе города, который в народе именовался «Жилая». Противоположный микрорайон, северо-восточный, назывался «Савино». Между ними проходила граница по тогдашней и нынешней автомагистрали «Москва-Симферополь». Сразу после войны, да и в 50-е года, эти два микрорайона между собой постоянно враждовали, что нередко в городском парке (ныне проспект Гражданский) доходило до кулачных боев и драк. В азартной драке могли пойти в ход не только деревянные дубинки, но и металлические кастеты, надетые на пальцы рук. Часто от жиловских ребят доставалось и нам, иногородним и живущим на окраине города. Поэтому в школу и из нее мы старались ходить не в одиночку, а группами.

В 1956 году, после окончания средней школы, был призван в ряды Советской Армии. Сразу после целины был направлен в г. Балашов, в школу младших авиаспециалистов. Дальнейшую службу проходил в авиации командиром отделения в г. Острове Псковской области. Досрочно мобилизовавшись в 1959 году, поступаю в Харьковский политехнический институт на факультет «автомобили и тракторы».

На первом же факультетском собрании декан нам объявил, что инженеров-автомобилистов институт готовить не будет, так как Кременчуг отказал факультету в прохождении практики. Факультет переименовали и он стал называться «тракторы и сельхозмашиностроение». По новой методике обучения мы на первом курсе учились вечером после работы на Харьковском тракторном заводе.

Вставая рано под гимн по радио в шесть утра, по пути на завод и после работы старались в трамвае отсыпаться: путь на завод и обратно казался долгим и утомительным. Работа в цехе «Тракторный - 1-й» свердловщиком показалась мне грубой и морально не удовлетворяла (тракторную деталь после сверловочной операции бросали прямо на пол). А если еще учесть и то, что в армии у меня проявилась склонность к журналистике (я регулярно посылал заметки в военную газету), то, сдав за 1-й семестр экзамены и зачеты, я с институтом решил распрощаться и стал готовиться для поступления в Ленинградский университет.

Конкурс на факультет журналистики в 1960 году был очень высоким, тринадцать человек на место. Зачисляли только тех, кто набрал 19 баллов (четыре экзамена). Я по конкурсу на факультет журналистики не прошел, но мне предложили с моими баллами на отделение русского языка и литературы филфака. Я согласился.

После окончания университета в 1965 году меня направили работать директором и учителем русского языка и литературы в Караиченскую 8-летнюю школу Шебекинского района. Проработав там три года, я устроился на работу поближе к Белгороду в Борисовский РОНО. Работал инспектором шесть лет. В 1974 году мне предложили работу лектором райкома КПСС.

В 1979 году, в связи с преклонным возрастом матери, я опять вернулся в Белгород, где работал директором школы, учителем, преподавателем в пединституте.

Уйдя по выслуге лет на пенсию, поступил работать инженером по перевозке грузов на завод «Сокол», где и закончил свою трудовую деятельность в 2000 году.

Где бы я ни работал, никогда не порывал связей с газетой, посылая свои корреспонденции в различные издания: в «Призыв» Борисовского района, в «Белгородскую правду», в городскую «Наш Белгород», в «Знамя» Белгородского района, в «Белгородские

известия» и другие. Одновременно работал и над книгами.

В 1994 году в издательстве «Везелица» вышла моя первая книга прозы «Две яблони в саду». В 2004 году в том же издательстве в соавторстве с ветераном Отечественной войны из г. Губкина Н. П. Алексенко была издана книга «Они освобождали Белгород». В следующем 2005 году при Белгородском областном отделении Международного фонда славянской письменности и культуры появилась в свет моя третья книга «Поезд «Москва-Ташкент», или Челнок из Богаты» о моем путешествии в Узбекистан.

Иван Гринякин
г. Белгород, 08.12.2009 г.

Из книги:
Гринякин И., Планета Земля – 21 век (политический прогноз).
– Белгород, 2010. –104 с. – с.4-8

